

„ПЕРВАЯ ЛИТОВЩИНА“ В ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬЕ 1368 Г.

Олег Хоруженко

Первый поход великого князя литовского Ольгерда на великого князя московского Дмитрия Ивановича состоялся в конце осени 1367 г.; завершился, вероятно, к январю. Летописные статьи, описывающие „первую литовщину“, ориентированы на мартовское новолетие – они начинаются событиями апреля, завершаются зимними событиями. Развернутая дата битвы на Тростне, содержащаяся в Троицкой летописи, (*в Филиппово говенье, месяца ноября в 21 день, на Введение Святыя Богородица в вторник*¹) показывает мартовский стиль. Перевод даты на современное летоисчисление, исходящий из мартовского стиля, дает 1368 г. Эта дата и утвердилась в историографии. Так „первая литовщина“ датирована в обобщающих и справочных изданиях². М. Н. Тихомиров, между тем, датирует рассматриваемые события то 1367, то 1368 г.³, допуская, кажется, ультрамартовскую датировку, для чего оснований нет.

Историография первого похода вкл Ольгерда на Москву обширна. Однако, вследствие некритического восприятия источников, недостаточно корректной их интерпретации, в изложении и оценке этих событий появляются и утверждают порой ошибочные суждения. Помочь избежать такого рода ошибок должна реконструкция маршрута похода вкл Ольгерда, связывающая события „первой литовщины“ в последовательную, закономерно развивающуюся кампанию.

Первой жертвой войны со стороны москвичей стал князь Семен Дмитриевич Крапива Стародубский. Из летописного рассказа неясно, возглавлял ли Крапива

¹ М. Д. Приселков, *Троицкая летопись: Реконструкция текста*, Москва-Ленинград, 1950, р. 388.

² Л. В. Черепнин, *Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках*, Москва, 1960, р. 562; Б. Н. Флоря, „Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле“, *Куликовская битва*, Москва, 1980, р. 152; Э. Гудавичюс, *История Литвы с древнейших времен до 1569 года*, Москва, 2005, р. 140.

³ М. Н. Тихомиров, *Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв.*, сост. Л. И. Шохин; под ред. С. О. Шмидта, Москва, 1992, р. 41.

какие-то военные силы; говорится лишь, что он был убит „на стрече“ (встрече): *на стрече уби князя Семена Дмитриевича Стародубьского, нарицаемого Кропиву, въ области, зовомеи Холхле.*

Западнорусские летописи (Никифоровская, Супрасльская, Академическая)⁴ дают значительно сокращенное и неверное чтение этого фрагмента, объединив известия о гибели князя Семена и о последовавшем затем разгроме московского сторожевого полка под предводительством Дмитрия Минина и Акинфа Федоровича: *Тое же осени Олгидрь, князь литовьский, и братъ его Кестютини, и Михаило тферьский приидоша ратью к Москве месяца ноября и заставу московскую победиша на Строшине, князя Семена, Окиньфа и иных многихъ.* А. Н. Казакевич и Н. М. Рогожин, составители указателей к тексту летописи, не только не отметили дефектного написания (*на стрече – на Строшине*), но и „творчески“ интерпретировали его. Здесь значатся „Семен, кн[язь], участник битвы на Строшине“ и „р[ека] Строшин“. Сведения о мифической „битве на реке Строшине“, к счастью, не были востребованы историографией, как и сведения о самой несуществующей реке Строшин.

Таким образом, местом гибели князя С. Д. Крапивы Стародубского следует признать не неведомый Строшин, а волость Холхол. Холхол (варианты написания: Холохолна, Халхна, Холхна, Холхов; М. Д. Приселков употреблял форму „Хохля“) впервые встречается в качестве названия одного из погостов в жалованной грамоте рязанского великого князя Олега Ивановича игумену Ольгова монастыря Арсению на село Арестовское (ок. декабря 1371 г.)⁵. Одновременно Олег подтвердил пожалования *святой Богородици*, сделанные своими предшественниками на Рязанском столе, князьями Ингварем, Олегом и Юрием. Среди этих вотчин названа и Холохолна. Очевидно, в грамоте имеются в виду Ингваревичи, что доказывает протекторат рязанских князей над этой волостью в первой половине – середине XIII в. При распаде Черниговского княжества Холохолна осталась рязанским анклавом в землях тарусско-оболенских князей. В Холохолне в 1371 г. насчитывалось *полторасти семии*. Издатели интерпретировали это указание, как 150 семей⁶. Такая трактовка вполне удовлетворительна, но следует отметить и другие значения слов „семья“ (челядь, рабы) и „семь“ (личность, лицо, человек)⁷.

Локализация Холохолны была проведена издателями грамоты не вполне уверенно и не вполне точно, как местности по течению речки Холхол, притоке

⁴ ПСРЛ, т. 35, Москва, 1980.

⁵ *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв.*, т. 3, стр. 322, Москва, 1964, стр. 350–351.

⁶ Тен пат, стр. 646.

⁷ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, кн. 24, Москва, 1999, стр. 58, 59.

Протвы⁸. Речка Холхол (Хохоловка) действительно протекала по территории Холохолны. Но актовые и писцовые материалы XVII в. очерчивают границы Холховского стана в позднейшем Малоярославецком уезде значительно шире. В него, входило, в частности, село Льгово на реке Тулогме, название которого свидетельствует о былой вотчине Ольгова монастыря в Холохолне. Согласно dokonчанию московского великого князя Дмитрия Ивановича и рязанского великого князя Олега Ивановича 1382 г., рязанские земли, лежащие на левом берегу реки Оки, отходили к Москве⁹. Такой землей был, в частности, Холхол. Конечно, у московского великого князя не было никаких резонов оставлять эту вотчину родовому монастырю рязанских князей. По духовной Дмитрия Донского (1389 г.) Холхол был передан великой княгине Евдокии¹⁰.

Цитированные источники показывают, что к моменту нападения вкл Ольгерда Холхол был еще формально рязанской территорией. Он широким кольцом опоясывал Оболенское княжество с юга и востока. Присутствие здесь московского вассала князя С. Д. Крапивы Стародубского, отнесение летописцем Холхола к „порубежным пределам области Московския“ говорит о том, что задолго до московско-рязанского dokonчания 1382 г. Москва стремилась обеспечить здесь свое военное присутствие. Можно считать установленным, что войска вкл Ольгерда двигались на Москву с юга или юго-запада.

Второй жертвой военной кампании 1368 г. стал оболенский князь Константин Юрьевич, убитый в своей вотчине, городе Оболенске¹¹. Все летописи присваивают оболенскому князю Константину отчество Юрьевич. Однако показания летописей подвергаются сомнению рядом авторов генеалогических работ, которые полагают, что убитого в Оболенске князя следует именовать Константином Ивановичем. Под влиянием летописных известий версия о князе Константине Юрьевиче нашла свое отражение в родословце Одинцевичей Румянцевской редакции родословных книг и в Государеве родословце. Здесь оболенский князь Константин Юрьевич (ум. 1368 г.) выступает внуком черниговского князя Михаи-

⁸ *Акты социально-экономической истории*, т. 3, пг. 322, р. 624. Утверждения В. Н. Темушева о географической близости Холхла к другому погосту, упомянутому в грамоте, – Заячкову, а также о том, что р. Холхол является левым притоком Протвы, принять нельзя, см. В. Н. Темушев, „Западная граница великого княжества Московского к 1380 г.“, *Куликовская битва в истории России. Сборник статей*, под ред. А. Н. Наумова, Тула, 2006, р. 92

⁹ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.*, пг. 10, Москва, Ленинград, 1950, р. 29.

¹⁰ Ten pat, nr. 12, р. 35.

¹¹ В Румянцевской редакции родословных книг и в „Государеве родословце про князя Константина Юрьевича“ сказано: *а убит его Ольгерд в Халъхне (Хлохни, Холхне)*. М. Е. Бычкова отметила, что это ошибка, вызванная, вероятно, невнимательным чтением летописи или ее дефектностью: „По летописям, там был убит князь Семен Дмитриевич Стародубский“, см. М. Е. Бычкова, *Родословные книги XVI–XVII вв.*, Москва, 1975, р. 154.

ла Всеволодовича (ум. 1245 г.) через его сына Юрия. Составители родословной князей Оболенских в Сборнике Дионисия Звенигородского, а затем в Летописной редакции родословных книг отметили хронологическую несостоятельность этой схемы и дополнили ее двумя поколениями. Они поместили между Юрием и Константином двух неизвестных источникам князей – Константина и Ивана. Так Константин Юрьевич превратился в Константина Ивановича. Обе конструкции совершенно произвольны. Предлагаемое ими прямое происхождение князей тарусско-оболенских от рано канонизированного черниговского князя Михаила Всеволодовича не является доказанным фактом. Однако присутствие в конструкции родословца Одинцевичей Румянцевской редакции родословных книг и в Государеве родословце реального, знакомого летописным источникам князя Константина Юрьевича выгодно отличает ее от варианта родословной Дионисия Звенигородского и Летописной редакции.

Вотчина князя Константина Юрьевича локализуется на территории современного села Оболенского (в писцовых материалах XVII в. – село Старый Оболенск) Жуковского района Калужской области, где П. А. Раппопорт в 1955 г. обнаружил средневековое городище со следами оплывших вала и рва¹². Правильность идентификации Раппопорта была позднее поставлена под сомнение А. А. Юшко, которая указала типологические отличия между оболенским городищем и современными ему памятниками¹³. Тем не менее, оснований для локализации средневекового Оболенска вне села Оболенского нет. Вероятно, именно во время „первой литовщины“ Оболенск был разрушен и позднее не отстраивался заново, превратившись в село.

Таким образом, Оболенск, вторая точка маршрута войск вкл Ольгерда, зафиксированная летописями, определяет азимут его движения на Москву – с юга или юго-запада.

Следующий эпизод похода вкл Ольгерда имел место на р. Тростне 21 ноября 1368 г. Здесь литовский великий князь разбил сторожевой полк, возглавлявшийся от московского великого князя Дмитрием Мининым, а от серпуховского князя Владимира Андреевича – его воеводой Акинфом Федоровичем Шубой. Место битвы историками единогласно локализуется к западу от Москвы, в районе Рузы, на реке Тростне, впадающей в Тростенское озеро. Краеведы дополняют эти сведения подробностями, неизвестными источникам: битва имела место в урочище Побоище в 9 км к юго-западу от Тростенского озера; погибшие в битве были захоронены в с. Аннино (6 км к югу от урочища) у Знаменской церкви. Однако, такая локализация делает передвижение войск во время похода

¹² П. А. Раппопорт, „Отчет о работе Подмосковного отряда Среднерусской экспедиции в 1955 г.“, *Архив Института археологии РАН*, ф. 1, rankr. 1, nr. 1077, л. 6.

¹³ А. А. Юшко, *Московская земля IX–XIV веков*, Москва, 1991, р. 145–146 (nuoroda 270).

вкл Ольгерда, мягко говоря, причудливым. Получается, что литовский великий князь, двигаясь на Москву (ибо представить главной целью его похода малозначительный Оболенск вряд ли возможно) с юга или юго-запада, резко повернул на р. Протве на северо-запад и направился к Твери, обходя Москву стороной. Двигаясь дальше в этом направлении, вкл Ольгерд, вероятно, достиг бы Литвы, если бы не встреча с московским сторожевым полком на Тростне. Разбив полк, Ольгерд вновь резко развернулся на восток и дошел до Москвы.

Между тем, гидроним Тростна не уникален, а летописный текст вовсе не вынуждает к идентификации места битвы в Рузском районе. Речки с названием „Тростна“, „Тростенка“, „Тростянка“ (т. е., очевидно, мелководные, заросшие „тростием“ – тростником, камышом¹⁴) и сегодня встречаются достаточно часто. В XIV в., как можно предположить, их было не меньше: часть из них изменила название, часть, вследствие значительного понижения грунтовых вод, превратилась в безымянные овраги. Очевидно, ближе всех к локализации места битвы на Тростне подошел Г. А. Власьев, связавший его с владениями князей Тростенских. Однако он в своих рассуждениях отталкивался от общепринятой идентификации реки Тростны: „род князей Тростенских получил свое прозвание, вероятно, от владения волостью Тростна в Звенигородском уезде Московской губернии“¹⁵. Власьев напрасно этимологизировал родовое прозвание князей Тростенских с их воображаемой вотчиной на реке Тростне западнее Москвы. Никаких данных о землевладении Тростенских вне пределов Оболенского уезда нет¹⁶. И напротив, есть основания утверждать, что звенигородская Тростна никогда надолго не выходила из владений великокняжеского дома, лишь время от времени вместе со Звенигородом переходя в удел младшим его представителям.

Писцовые материалы очерчивают владения князей Оболенских-Тростенских на правом (село Колышево), но главным образом на левом берегу реки Протвы, к северу и северо-востоку от Оболенска, по течению реки Оложы. На реке Оложе, при впадении в нее двух одноименных притоков (оба в XVII в. именовались Сухими Оложями) находилось село Тростье – вероятно, вотчинный центр Тростенских¹⁷. Один из двух Сухих Оложей и следует считать рекой

¹⁴ И. И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, т. 3, Санкт Петербург, 1912, стр. 1013–1014.

¹⁵ Г. А. Власьев, *Потомство Рюрика: Материалы для составления родословной*, т. 1, д. 3, Санкт Петербург, 1907, р. 326.

¹⁶ О. А. Шватченко, *Вотчинное землевладение в России в конце XVI века*, Москва, 2008, р. 149; О. А. Шватченко, *Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века*, Москва, 1990, р. 169.

¹⁷ В настоящее время название *Тростье* сохранилось за бывшим селом Покровским, находившимся выше по течению реки Оложы. Село Тростье, упоминаемое в писцовых материалах XVII в., сейчас, напротив, носит название Покров. Это, очевидно, было связано с перенесением сюда Покровской церкви.

Тростной летописного известия, на котором произошел бой между московско-серпуховским сторожевым полком и войском вкл Ольгерда.

Таким образом, вторжение вкл Ольгерда произошло в южные, а не западные пределы Московского Великого Княжества. Пункты, перечисленные летописцем (Холхол, Оболенск, Тростна, Москва) лежат практически на прямой линии, протянувшейся с юго-запада на северо-восток.

По замечанию Л. В. Черепнина, летописная статья 1368 г. о походе вкл Ольгерда достаточно тенденциозна – ее задачей было дать объяснение военных неудач московского великого князя, подать нападение вкл Ольгерда как вероломное. Отсюда акцент на неожиданность этого военного столкновения для Дмитрия Ивановича и его союзника серпуховского князя Владимира Андреевича¹⁸. Кажется, что тенденциозность великокняжеского свода достаточно очевидна: было бы странно, если бы летописец сочувствовал противнику своего государя. Однако эта мысль была продолжена С. Л. Киневым: „Составитель свода пытался спасти репутацию московского князя Дмитрия Ивановича как героя-победителя и с этой целью пытался уменьшить размеры военного поражения в начале его правления“¹⁹. О преуменьшении размеров поражения Москвы во время „первой литовщины“ не может быть и речи. Летопись, перечисляя потери среди вассалов московского великого князя (князь Семен Дмитриевич Крапива, Дмитрий Минич и Акинф Шуба были внесены в синодик Успенского собора²⁰) и не упоминая ни об одной потере в войсках вкл Ольгерда, подробно описывает то „многое зло“, которое он причинил московской земле. Сожжены московский посад, монастыри, церкви и села, погибли и уведены в полон многие люди, а их имения разграблены. Л. В. Черепнин предполагал, что указание летописца на неожиданность нападения вкл Ольгерда сильно преувеличена, коль скоро гонцы успели доставить весть о нем в Москву, а Дмитрий Иванович – отослать грамоты *по всем градам своим*. Исследователь, отрицая неожиданность этого нападения, не предложил своей версии причин поражения Москвы в „первой литовщине“. Между тем, версия летописи внутренне не противоречива: вкл Ольгерд, войдя в „пределы области Московския“, в Холхол, оказался в 120–130 км от Москвы, т. е. в двух днях пути от нее²¹. Если разгром Оболенска и московского сторожевого полка на Тростне и задержали вкл Ольгерда, то вряд

¹⁸ Л. В. Черепнин, *op. cit.*, p. 563.

¹⁹ С. Л. Кинев, „Битва на Тростне: опыт интерпретации событий в русском летописании“, *Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто; IV Чтения памяти доктора исторических наук А. А. Зиминой*, 19–22 апр. 2005 г., Москва, тезисы докладов, *dal.* 2, Москва, 2005, p. 206–208.

²⁰ С. Б. Веселовский, *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*, Москва, 1969, p. 238.

²¹ Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов, *Русская метрология*, Москва, 1975, p. 27.

ли надолго. Гонец, посланный с известием о нападении, при „беге о дву конь, наскоро“, мог преодолеть это расстояние за полтора дня²². Таким образом, для того, чтобы предпринять ответные действия, у московского великого князя действительно оставались считанные часы, возможно два-три дня.

С. Л. Кинев, обратив внимание на состав сторожевого полка („москвичи, коломенцы, дмитровцы“), поддержал мысль Л. В. Черепнина о достаточном запасе времени у московского великого князя для организации отражения литовского нападения. Но при этом он исходил из необоснованной посылки о движении войск вкл Ольгерда на Москву с запада: „Было бы логично собирать людей по движению на запад – из Звенигорода, Можайска, Волока. То, что Дмитрий Иванович отправил навстречу вкл Ольгерду рати из глубины территории собственного княжества, а не с западной границы, говорит о наличии у москвичей запаса времени на сборы“²³. Реконструкция маршрута вкл Ольгерда, проведенная выше, снимает этот аргумент.

Начальной точкой похода вкл Ольгерда предполагается Брянск. Если захват Литвой Брянска – несомненный факт, то его дата является предметом историографических споров. В. А. Кучкин считает, что датировки, которых придерживались Р. В. Зотов (1368 г.)²⁴, С. Кучиньский (1368–1370 гг.)²⁵ и А. А. Горский (1360–1363 г.)²⁶, „не основаны на свидетельствах источников, они выведены на основании косвенных соображений“²⁷. В. А. Кучкин предложил свою датировку, основанную на летописном упоминании (апрель 1372 г.) среди участников похода на Переяславль друцкого князя Дмитрия. Автор отождествил этого Дмитрия с Дмитрием Ольгердовичем. „Но, если в апреле 1372 г. старший Дмитрий Ольгердович, – рассуждает Кучкин, – еще занимал друцкий стол, а в договоре своего отца с московскими князьями он фигурирует уже как князь брянский, это может означать только одно: Дмитрий Ольгердович стал брянским

²² О. И. Хоруженко, „Метрические данные Росписи польским дорогам и локализация Егюлдаева городища“, *Вестник РГГУ*, 2008, нр. 4, р. 307.

²³ С. Л. Кинев, „Битва на Тростне“, р. 208.

²⁴ Р. В. Зотов, *О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время*, Санкт Петербург, 1893, р. 98–99.

²⁵ S. Kuczyński, *Ziemia czernihowska-siewierskie pod rządami Litwy*, Warszawa, 1936, р. 153.

²⁶ А. А. Горский, „Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII – начало XV в.)“, *Средневековая Русь*, кн. 1, Москва, 1996, р. 98.

²⁷ В. А. Кучкин, *Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры*, Москва, 2003, р. 151. Б. Н. Флоря относил установление литовского сюзеренитета над Брянском ко времени не позднее 1361 г., см. Б. Н. Флоря, „Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XVI в.“, *Проблемы исторической географии России*, дал. 1, Москва, 1982, р. 63–65, 69–70; Ф. М. Шабульдо – к 1359 г., см. Ф. М. Шабульдо, *Земли юго-западной Руси в составе Великого княжества Литовского*, Киев, 1987, р. 55.

князем весной-летом 1372 г.²⁸ Эти соображения, наряду с иными аргументами, позволили В. А. Кучкину датировать московско-литовскую перемирную грамоту, в которой упомянут „князь Дмитрий брянский“²⁹, относимую ранее к августу-октябрю 1371 г.³⁰ Между тем, В. А. Кучкин не объяснил, почему участник похода на Переяславль друцкий князь Дмитрий должен быть отождествлен с Дмитрием Ольгердовичем. Ранее участником этого предприятия считался князь Дмитрий Васильевич Друцкий. О последнем известно, что он был женат на рязанской княжне Анастасии Ивановне, которая родила ему двух сыновей, Андрея и Василия, чьи потомки в начале XVI в. выехали в Россию и здесь пользовались фамилией и титулом князей Друцких³¹. После смерти Дмитрия Васильевича Анастасия вышла замуж повторно – за князя Дмитрия-Корибута Ольгердовича, младшего брата и тезки брянского князя³². От Дмитрия-Корибута она прижила не оставивших потомства Ивана, Жигимонта и Федора.

Таким образом, то, что друцкий князь Дмитрий Васильевич в 1372 г. владел Друцком, никак не противоречит тому, что Дмитрий Ольгердович в 1368 г. или ранее мог быть посажен своим отцом в Брянске. По мнению Р. В. Зотова, это произошло как раз в ходе военной компании 1368 г.³³ „Сынове Олгирдови“, как известно, сопровождали в этом походе отца³⁴. Неслучайно реванш, который предпринял в 1370 г. великий князь Дмитрий Иванович, был направлен не только на союзную Литве Тверь, но и на Брянск³⁵ – плацдарм недавнего литовского нападения.

Степень достоверности летописной статьи 1368 г. следует оценить высоко. Она детально описывает маршрут первого похода вкл Ольгерда на Москву с юго-западных рубежей Московского Великого Княжества. Это направление литовской военной угрозы было новым, оно стало следствием расширения территории Литовского Великого Княжества за счет Поднепровья, Северы и Верхней Оки. Именно эти новые геополитические реалии не были учтены в Москве, что во многом и обусловило скорый и легкий успех великого князя Ольгерда в ходе „первой литовщины“.

²⁸ В. А. Кучкин, *op. cit.*, p. 151–152: как „князь друцкий, князь брянский“ Дмитрий Ольгердович приводится и в указателе личных имен, *ten pat.*, p. 351).

²⁹ *Ten pat.*, p. 136, 151–152.

³⁰ *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей*, пг. 6, p. 21–22.

³¹ Потомки двоюродного брата Дмитрия Васильевича, князя Дмитрия Семеновича, сохраняли остатки суверенных прав в Друцком княжестве еще в XVI в., см. J. Wolff, *Kniazowie litewsko-ruscy od konca czternastego wieku*, Warszawa, 1895, p. 63–64.

³² J. Wolff, *op. cit.*, p. 56, 178.

³³ Р. В. Зотов, *op. cit.*, p. 98–99.

³⁴ *ПСРЛ*, т. 8, Санкт Петербург, 1859, p. 15.

³⁵ *Ten pat.*, p. 17.

The first Lithuanian onslaught ('litovschina') in the chronicle entry of 1368

Oleg Choruzhenko

Summary

The extant historical sources provide sufficient basis for the reconstruction of the course of the campaign led by Lithuanian Grand Duke Algirdas against Moscow in 1368. In their light, this campaign can be seen as a series of subsequent and related events. Notwithstanding these favourable circumstances, a detailed reconstruction has not been undertaken so far and that is why some superficial and mistaken views crept into historiography thus obfuscating the very picture of these events.

It is time to check a widespread opinion that Algirdas attacked the Grand Duchy of Moscow from its western approaches. According to this version of events, the attack of Algirdas looks like a chaotic going to and fro across the Muscovite territory: as though, the army of Algirdas breaks in from the West, then bypasses Moscow in order to reach the *volost'* of Kholkhl and thence it turns north and occupies the town of Obolensk and then returns back along the already trodden path to the western part of Muscovite territory where the Lithuanian troops encounter the Muscovite Guards by the Trostna river and after that suddenly turn back in the eastern direction and finally lay siege to Moscow. Such a sequence of the events allows one to imagine that the final aim of Algirdas' campaign was Kholkhl, a frontier territory of the Riazan' duchy, and that the siege of Moscow was a side-effect of the encounter with the regiment of Muscovite guards.

This implausible reconstruction does not take into account the dynamics of the Lithuanian expansion at the time, in the wake of which an ethnically Lithuanian core of the state became considerably smaller than the newly gained annexes. The successful campaigns led by Algirdas and his predecessors resulted in that Lithuania became not only the western but also the southern neighbour of Moscow.

Based on the more precise identification of the place names in the entry of 1368, this article presents a new reconstruction of the route to Moscow taken by Algirdas in 1368. In the author's opinion, the correct interpretation of the entry of 1368 leads to the conclusion that the Lithuanian army attacked Moscow from the south and, on balance, headed all the way to Moscow.

Translated by Darius Baronas